

A close-up photograph of a brick wall, showing the texture and color variations of the bricks. The bricks are arranged in a traditional pattern, with some showing signs of wear and discoloration. The text is overlaid in white, bold, sans-serif font.

Иванов Лад
СТАРЫЙ ГОРОД

Лад Иванов
Старый город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68934738

SelfPub; 2023

Аннотация

С твёрдой верой в день завтрашний по самой прекрасной земле на свете.

Лад Иванов

Старый город

Самолет плавно остановился у здания аэропорта, и пассажиры тут же пришли в движение. Кто-то принялся доставать свои сумки и рюкзаки с полок, весело переговариваясь и переминаясь на месте от нетерпения. Мальчик на переднем кресле, прижавшись лбом к стеклу, разглядывал все, до чего мог дотянуться его пораженный детский взор, ограниченный углом обзора иллюминатора. Его мама о чём-то строго наставляла сына, а тот лишь изредка согласно кивал, не улавливая из нотаций ни полслова.

Я тоже повернулся к окну. Рядом с нашим самолетом, на расстоянии не больше десяти метров, крыло от крыла, стоял новенький, слегка изогнутый красавец Як с большим алым серпом и молотом на белоснежном фюзеляже.

Забрав из багажа свою потертую заплечную сумку, я вышел из аэропорта и, поежась от холодка, вдохнул свежий воздух раннего весеннего утра, залитого таким ярким и совсем не жарким еще солнцем.

Я заранее решил добираться на такси, чтобы не вынырнуть в центре Москвы окаченным и оглушенным ею от неожиданности, а погружаться в город постепенно, пропитываться им, пропуская сквозь себя окраины, перестраиваемые спальные районы, парки, добираясь до стен, помнящих

седую русскую старину во всей свежести непослушных молодых волос, спутанных на ветру. Нестись в нем в ранний час, когда большинство жителей еще дома. Лететь, обгоняя неспешно катящиеся поливальные машины, оставляя позади раскладывающих свои товары лотошников, дворников, подметающих входы в учреждения, магазины и дома.

До скоростного на Одессу, которым я собирался ехать на свадьбу к своему фронтовому другу, было полдня, и эти полдня я решил посвятить прогулке по Москве. Я так кропотливо и с таким наслаждением планировал свой отпуск, представляя себе и этот пеший путь по столице, что теперь боялся упустить малейший отзвук, малейший полутон города. Пусть все начнется так, как задумано, и все тогда должно будет сбыться согласно желаниям моим. Полдня в Москве, поезд в Одессу, свадебные гуляния, рыбалка в лиманах и возвращение прямым перелетом в Омск. Наслаждаться все восемь дней отпуска безрассудством, бросившись по возвращении в наслаждение работой.

Выйдя на Речном Вокзале, я пошел на набережную и, присев на скамейке, рассматривал готовящиеся к отплытию суда, суесящихся пассажиров, разбавленных спокойною снисходительностью матросов. Немного замерзнув у воды, я отправился в напоминающее круизный лайнер здание вокзала, поднявшись по ступеням к центральному входу с колоннами, украшенными яркими майоликовыми панно. В буфете, взяв последний номер журнала «Техника – молодежи» в по-

езд и стакан чая, я встал за высоким столиком. Согревшись, я поднялся на крышу, похожую на верхнюю палубу, в продолжение стиля всего архитектурного ансамбля.

Сверху было очень удобно наблюдать за отправляющимся в рейс кораблем, плавно отходящим от ближайшего причала. Казалось, что этот подрагивающий на развороте лайнер, так же как его пассажиры, в нервно-радостном предвкушении мечтает поскорее вырваться из тесных водных путей суетливого города и поскорее оказаться на большом русском просторе мудрой и спокойной Волги. Плыть мимо древних городков и деревень, в которых так же, как в любом месте Союза, кипит жизнь и работа.

Через полчаса я зашел в магазин Красногорского завода в районе Сокола, чтобы купить в подарок другу давно примененный бинокль. Тут я задержался у большой музейной витрины, заставленной древними ФЭДами, «Зоркими», «Киевами», «Сменами» и конечно «Зенитами, напоминающими о непростом пути отечественной фототехники от копий «Лек» до нынешних инженерных шедевров.

У Чапаевского парка я остановился у тележки мороженщицы, взял Ленинградское эскимо и почувствовал вдруг старым военным чутьем внимательный изучающий взгляд на себе. Повернувшись вправо, я увидел неспешного идущего патрульного милиционера. По случаю теплой, солнечной весны московская уличная милиция уже сменила темную зимнюю форму на белоснежную летнюю. Молодой сержант,

изо всех сил старающийся держать величественную осанку, расправляя свои и без того широкие плечи, приложил руку к козырьку в ответ на мою улыбку и так же неспешно прошел мимо.

Перейдя через Ленинградское шоссе и выйдя переулком на Красноармейскую улицу, мне на глаза попала вывеска агентства продажи путевок ЦСТЭ. Зайдя внутрь, я поболтал с симпатичной, коротко стриженной женщиной, работницей агентства, воодушевленно рассказывавшей мне про свои поездки в горы, и, прихватив красочный буклет с описанием лыжных курортов Алтая, отправился дальше.

Проходя через сквер площади Белорусского вокзала я с завистью посмотрел на небольшую группу сплавных туристов, восседавших на своих походных рюкзаках, гермомешках со сложенными надувными катамаранами и связанными вместе веслами и возбужденно о чем-то разговаривающих в предвкушении путешествия.

На Брестской я остановился у витрины магазина сети Главрыбсбыта и стал рассматривать искусно сделанные муржи огромных крабов, осетров, бочек с красной и черной икрой и других морских и речных съестных даров. Рыбный ресторанчик, расположенный рядом с магазином, начинал свою работу через восемнадцать минут, и я сел на скамейке, чтобы дождаться открытия и позавтракать.

До бульварного кольца я добрался уже часам к десяти, заглянув по пути в отделение почты и отправив домой открыт-

ку с ночным видом Кремля, написав сам себе пожелание, чтобы, уйдя с ушами в работу, не забывать время от времени вспоминать про друзей, про девушек и про отдых.

Дойдя до конца Тверского бульвара, уже собираясь переходить дорогу, я посмотрел на памятник Тимирязеву, возносящийся над пирамидальным своим постаментом черной громадой. Я задержался, пропустив зеленый сигнал светофора на переходе, и подошел ближе. В небольшом цветнике, разбитом вокруг постамента, о чем-то весело рассуждали две женщины, приводящие клумбу в порядок перед сезоном. Остановившись перед памятником, я стал осматривать его сверху вниз. Мне вспомнилось упоминание из школьного учебника истории об этом монументе. Пробежав глазами, я сразу отыскал не примеченные мной сперва сколы от немецкой бомбы времен Великой Отечественной.

На Суворовском бульваре, чуть слышно шурша утоптаным песком, мне навстречу пробежали две девушки в коротких спортивных шортах и значками на олимпийках. Их стянутые в хвостики волосы смешно раскачивались из стороны в сторону в такт движению. Я обернулся бегуньям вслед и поймал брошенный через плечо взгляд и светлую молодую улыбку. Девушка помахала мне рукой и, весело рассмеявшись на пару со своей подругой, навсегда убежала из моей жизни – так же внезапно, как и появилась.

Чуть поодаль группа пионеров сажала деревце вместе с долговязым, немного сутуловатым мужчиной лет шестиде-

сяти со значком Бауманки на лацкане пиджака – по всему судя, каким-то известным ученым или конструктором. Дети были возбуждены и радостны. Они о чем-то расспрашивали долговязого, фотографируясь рядом с ним и у поставленной тут же памятной таблички, о чем-то громко разговаривали и спорили меж собой, не обращая внимания на замечания вожатого.

Недалеко от них, на скамейке, сидел мужчина, одетый в военную форму, и читал книжку с картинками своей маленькой дочери, примостившейся на коленях у отца. По привычке я пробежался по орденским планкам и, увидев медальную ленту за взятие Варшавы, подошел перекинуться парой слов об обоим нам памятным событиям. Мы проговорили, наверное, с целый час. Девочка поначалу внимательно слушала разговор, но вскоре, заскучав, принялась играть, чертя палкой какие-то фигуры на песке. На прощание, крепко пожав руку своему новому знакомому, я так же не спеша отправился в дальнейший путь.

Уже после полудня, выйдя на Арбатскую площадь, я попал в вихрем несущийся во всех направлениях поток студентов, расположенной тут же сельскохозяйственной академии, занимающей здание какого-то бывшего банка, ныне перестроенного и как любое воспитательное или учебное заведение в стране, от детского сада до университета, украшенного огромными алыми знаменами, покачивающимися на легком ветру. От фонтана раздавался гусличный перезвон

семиструнной гитары, еле пробивающийся через разномастное пение и громкий смех.

Под древними кленами Гоголевского бульвара, уже собирающимися скинуть чешуйки своих набухших почек, носилась по траве, громко галдя, толпа ребят, скинувших в одну большую кучу свои школьные ранцы.

Свернув с бульварного кольца в Сивцев Вражек, я увидел припаркованную на углу улицы Фурманова сверкающую лаком «Волгу» новой модели, которую не встречал еще у себя в Омске и замороженный ее плавными изгибами, стал разглядывать автомобиль как мальчишка. Судя по всему, ее создатели вдохновлялись старой доброй двадцать первой моделью, сохранив намеки в радиаторной решетке и в круглых фарах с хромированной окантовкой, вынесенных по самым краям агрессивной передней части автомобиля.

Я шел и шел вперед, рассматривая дома и людей, скверы и памятники, храмы. И вот уже в конце своего пути по Москве я зашел в небольшое кафе в сквере между Киевским вокзалом и Бережковской набережной.

В зале сидели несколько человек. Трое мужчин, разложив на столе какие-то чертежи, о чем-то оживленно спорили, попивая кофе. Вернее, спорили двое, а третий был всецело поглощен девушкой с томиком Джека Лондона, сидевшей напротив у окна.

Отказавшись от меню, я попросил у подошедшего официанта пятьдесят грамм Тираспольского коньяка.

Оставив на диване сумку, я достал пачку «Космоса» и вышел покурить на крыльцо. Напротив, у гранитного ограждения набережной, важно о чем-то беседуя, рыбачили два деда. Толстая рыжая кошка с таким же важным видом разлеглась у их ног, дожидаясь улова. Покурив, я остался стоять на улице, оперевшись руками в перила и с улыбкой глядя на большой красивый город, утопающий в ярком солнце и шуме работающих и растущих людей.

Я наслаждался днем, робким еще теплом и своим молчаливым и радостным общением с Москвой. Москва в ответ радовала меня всем чем могла. Автобусами с бордовыми полосами по бокам и огромными блестящими никелированными номерами. Душистым запахом молодых клейких листьев. Уверенностью в том, что никогда не рухнет моя страна, укрепленной каждым встреченным мной красным знаменем с золотыми серпом и молотом.

Вышел на улицу официант и, отдав мне коньяк, остался постоять со мной и поболтать от скуки. Он пообещал грозу к вечеру... Что ж, я был бы очень рад первому весеннему грому. Но только уж хорошо бы, когда сяду в поезд и буду смотреть, сидя у окна, как состав неспешно выбирается из города, чтобы развить свою стремительную скорость.

Откуда-то слева раздался грохот отбойного молотка.

Я оглянулся на звук: посреди Киевской площади стояло полуразобранное здание бывшего огромного торгового центра, построенного, наверное, еще во времена Владимира Пу-

тина. А может быть, и раньше.

2018